

Газета — 2004. — 9 сент. — с. 1, 13

nternazionale d'arte cinematografica
la Biennale
61 mostra
di cinema

Аль Пачино — Газете

“Я мог бы сыграть Тень Отца Гамлета”

Фото: Reuters

В Венецию на 61-й кинофестиваль приехали, кажется, все основные кинозвезды Голливуда. Но нет ни малейшего сомнения в том, что Джона Траволту, Тома Хэнкса, Тома Круза и Николь Кидман затмил один человек — Аль Пачино. Он предстал в совершенно неожиданном облике, воплотив на экране одну из главных ролей мирового театрального репертуара — еврея Шейлока, героя шекспировского «Венецианского купца», поставленного Майклом Рэдфордом. После мировой премьеры картины с Аль Пачино побеседовал Антон Долин.

Быть живой легендой — это счастье или проклятие?
Все, что я знаю наверняка, — люди добры ко мне, и ничего нет приятнее на свете. Я просто радуюсь общению с людьми, а оно становится проще, когда они тебя знают. Такая уж удачная профессия... Впервые в жизни сыграв на сцене, я испытал странное и не слишком приятное ощущение. Но время прошло, и я научился ценить свою работу. Ценить ее высоко.

Выходит, если люди знают ваши работы в театре и кино, они в какой-то степени знакомятся с вами?
Конечно! По меньшей мере, они думают, что знают меня хорошо. Когда у тебя за плечами столько ролей, сколько их у меня, удачных и неудачных, ты начинаешь понимать, что каждая в той или иной степени отражает тебя как личность. Может, роли просто становятся частью тебя. Роль может ранить, может причинить боль, но не может быть для тебя чужой.

Ваши старые работы, давние фильмы — вы их пересматриваете?
Специально — нет. Иногда, даже довольно часто, доводится увидеть себя по телевизору в какой-то из старых картин. Щелкаешь каналы, видишь знакомую физиономию: «О боже, нет! О да!» В основном для меня имеет значение не сама роль, а воспоминания о том, что происходило в моей жизни в те годы, когда я ее играл. Будто листаешь фотоальбом.

Шейлок — роль возрастная. Вы чувствуете, что годы идут и настало время для нового образа Аль Пачино?
В «Венецианском купце» я и правда выгляжу лет на сто пятьдесят. И это не грим, а реальность. Как я до такого дошел, понятия не имею. На самом деле мне не больше ста. *(Смеется.)*

Что подтолкнуло вас к этой роли — безусловно этапной для каждого серьезного актера?
Мне сотни раз предлагали сыграть Шейлока на сцене, но я никогда не соглашался. Зачем повторять за другими актерами, которые уже играли Шейлока, и так потрясая, что мне вряд ли удалось бы их переплюнуть? Но потом мне попался на глаза сценарий Майкла Рэдфорда, и в нем я увидел не обычную кинопостановку, но полноценную киноверсию пьесы Шекспира. Его режиссерское видение захватило меня, заставило взглянуть на Шейлока по-другому. И я решил, что можно попробовать взяться за это. Я люблю фильмы Майкла, и потому сказал «да».

Неужели кто-то может всерьез предположить Шекспира на экране Шекспиру в театре?
В каком-то смысле это возможно. Меня нельзя обвинить в том, что я недооцениваю театр. Я начинал в театре, я не бросал его даже в самые тяжелые периоды жизни. Театр дает мне так много, он помогает мне постоянно шлифовать мастерство! Питер

Брук как-то сказал, что Шекспир бывает хорош в кино, потому что иногда в кино ты можешь себе позволить пропустить фразу-другую. В кино, как ни странно, можно быть более свободным в отношении Шекспира, лучше обдумать роль и переосмыслить ее. Однако, играя Шекспира на сцене, ты тоже получаешь немало как профессионал, ты беспрестанно чему-то учишься. Особенно если работаешь с Шекспиром на протяжении долгого времени. Если бы я сыграл Шейлока сперва на сцене, а потом в кино, мне бы это могло помочь. Впрочем, сложилось иначе.

Каким вы видите Шейлока?
Мне всегда казалось, что, если объяснить, откуда пришел Шейлок, если показать реальные условия его жизни, можно будет понять, что заставило его так себя повести. В жизни нередко встречаются Шейлоки, которых сама жизнь вынудила быть жестокими. Шейлок одинок, его жена умерла — хотя в пьесе и даже в фильме об этом нет ни слова, но не случайно же он живет вдвоем с дочерью! Источник его гордости и достоинства — работа, в которой он превзошел всех остальных. Есть эпизод, который при финальном монтаже не вошел в фильм, где Шейлок молится и клянется, что не отступится от обещанного фунта христианской плоти. Раввин пытается отговорить его, а Шейлок отвечает, что дал обет Господу. Шейлок делает все возможное и невозможное для того, чтобы не сойти с избранного пути. Он уверен, что не ошибается, и потому защищает свои права с такой яростью. Это вопрос человеческого достоинства. У меня не было проблем, чтобы понять и прочувствовать это. Шейлок чувствует, что дочь его пропала навсегда, и это заставляет его сказать в суде «у меня была дочь», а не «у меня есть дочь». Это окончательно подкосило его, и потому он зашел слишком далеко — он сам это осознает.

venezia 61

venezia 61

venezia 61

venezia 61

venezia 61

ревью

13

“Я мог бы сыграть

Аль Пачино — Газете

01 стр

По вашим словам выходит, что Шейлок не хорош и не плох, он жертва обстоятельств, в которых не может повести себя иначе. Характеристика, вполне подходящая к самому известному из ваших персонажей — Майклу Корлеоне...

Пожалуй. Каждый из нас — неоднозначная и двойственная личность. Я не настаиваю на этой двойственности, но иногда она рождается из ситуации, и ничего с этим не поделаешь. Шейлок получил свой шанс и хочет им воспользоваться. Ведь он действительно отдал деньги Антонио и потребовал взамен всего лишь фунт его плоти — это против любой человеческой логики, это противоречит собственным интересам Шейлока! Это просто пари, игра. Соревнование, в котором он хочет победить. Показать противнику, Антонио, что надежда на судьбу дала ему шанс на победу. Дело в том, что как только вы начнете смотреть на персонажей как на людей, существующих в реальности (а Шекспир поступал именно так, и нет писателей более великих, чем он), вы поймете всю подоплеку их поступков. Человек не ларец Пандоры, его всегда можно понять. В книгах плохих писателей вы иногда не можете объяснить поступков героев, но Шекспир не таков.

Насколько важны первые пять минут фильма — до начала пьесы, — когда нам показывают условия жизни евреев в средневековой Венеции и вводят в курс истории антисемитизма?

Очень важны. Я убежден, что, зная обстоятельства жизни Шейлока, зритель сможет лучше его понять.

Но Шекспир этого в своей пьесе не сделал... Сделал бы непременно, если бы жил сегодня! (Смеется.) Во времена Шекспира было совершенно иное представление о том, что рассказывается в истории Шейлока. И я не знаю, что это за представление. Но я живу в XXI веке и пытаюсь передать собственную точку зрения.

Что вы ответите тем, кто отрицает сегодня актуальность Шекспира и необходимость ставить его на сцене и в кино?

Я бы хотел с ними подискутировать... Это все равно что призвать людей перестать слушать Бетховена или Моцарта. Это просто бессмыслица. Особенно для меня, всю жизнь игравшего Шекспира. Он знал так много о человеческом поведении и его причинах, что никогда не устареет.

Вас считают воплощением золотого века Голливуда. Как вам кажется, какие времена сейчас переживает американское кино?

Надеюсь, не самые худшие. Попытки сломать лед, сказать что-то новое никогда не делались, мы видим их ежегодно. Но насколько эти попытки удачны, я не могу сказать. Не могу оценивать и то, что происходило в 1970-х, — я жил и работал тогда, позже читал книги о той эпохе, но все еще не могу о ней судить. Мне просто повезло оказаться в центре водоворота. Стереотипы ломались, это чувствовалось, и я отдавал себе отчет в том, что в кино происходит что-то принципиально новое. Но анализировать это я пока не способен.

Если бы вам тогда не повезло, что было бы с вами сегодня?

Скорее всего, работал бы в той или иной театральной компании, воспитывал бы штук двадцать детей. (Смеется.) В любом случае было бы иначе, чем сегодня. Такой шанс, как «Крестный отец», представляется не каждый день и не каждому. Если это что-то значит, то до встречи с Копполой я уже играл в театре лет десять, не меньше. Но кино всегда соблазняло меня, и в конце 1960-х я начал сниматься. Тогда этот мир казался волшебным: вся машинерия, огромные камеры... не то что сегодня, когда моя старшая дочь — а ей недавно исполнилось пятнадцать лет — уже сняла четыре маленьких фильма при помощи компьютера! Теперь даже дети могут снимать кино, телевизор переполнен реалити-шоу, люди просто привыкли жить каждый день под прицелом камеры.

А вы, когда начинали играть в кино, стеснялись камеры?

Стеснялся, и очень сильно. Было это тридцать пять лет тому назад. А сегодня камера — не больше чем повседневная часть нашей культуры. Но моя стеснительность не имела никакого отношения к моей любви к кинематографу. Я был воспитан на кино, и идея, что когда-нибудь я смогу сняться в фильме, потрясала меня еще в детстве. Когда же я пришел в театр, то был очарован и потрясен возможностью стать членом актерской семьи. 60-е были великой эпохой, мы все встречались и общались в многочисленных кафе, работали и жили в них. Играли по шестнадцать спектаклей в неделю, зарабатывали копейки, голодали... Такие вещи не забываются.

Какую роль в вашей карьере сыграл великий режиссер Сидни Люмет?

Благодаря ему я впервые приехал на Каннский кинофестиваль. Я спросил у него: «А что это такое?» Он ответил: «Такое место, где толпы зрителей и поклонников, фотографы светской хроники сплят тебя своими вспышками...» И тогда я сказал: «Ты что, шутишь? Я никогда не сяду в самолет и не полечу так далеко!» Хотя, между прочим, я уже бывал в Европе, ездил туда с моим театром, и там мне очень нравилось. Но осознание того, что я поеду на фестиваль и меня все увидят... К счастью, премьера прошла успешно и фильм взял приз.

Вы были таким стеснительным...

Был. Только понял, какое отношение моя работа имеет к окружающему миру, какое она имеет для него значение, я немного успокоился. Однако моя стеснительность никуда не делась, она все еще со мной. С другой стороны, мне всегда казалось, что актер анонимен и эта профессия помогает победить стеснительность. Каждая моя роль начинается с чистого листа, я ничего не знаю о ней, я ничего не знаю о себе в этой роли — несмотря на все технические ухищрения. Роль должна обрасти плотью, моей собственной плотью. Однажды я видел документальный фильм о Пикассо, и он меня поразил. Он рисует там очень красивый цветок, который потом вдруг превращается в определенную часть женской фигуры. Эта трансформация мне запомнилась надолго: набросок, который вдруг перестает быть наброском и превращается в самостоятельный образ. Бог знает, чему меня это научило, но чему-то определенно научило.

газета

путь к Шекспиру

Альфредо Джеймс Пачино родился в 1940 году в нью-йоркском районе Южный Бронкс, учился в знаменитой актерской студии Ли Страсберга и первый успех снискал в конце 1960-х на театральной сцене. В кино его судьбу решила настойчивость Френсиса Форда Коппола, отстоявшего сомнительную кандидатуру малоизвестного «итальянца» для роли Майкла Корлеоне в «Крестном отце» (1972). В следующие два десятилетия Аль Пачино прочно займет место среди ведущих американских киноактеров, уважаемых коллегами по цеху и обожаемых публикой. Он семь раз номинируется на «Оскар» — но получает награду Академии лишь за роль в «Запахе женщины» (1992). С возрастом мастерство актера ничуть не ослабело, чему доказательство — роли в фильмах «Путь Карлито» (1993), «Схватка» (1995), «Донни Браско» (1997), «Адвокат дьявола» (1997), «Свой человек» (1999), «Бессонница» (2002), «Рекрут» (2003) и других. Аль Пачино также поставил фильм «В поисках Ричарда» (1996), снимается в телефильмах и не изменяет своей первой любви — театру.

Хотели ли бы вы сыграть других шекспировских героев? И каких?

Кто-то предлагал мне сыграть Лира, но это будет слишком сложно... Кажется, Гамлета мне играть уже поздно... Я мог бы сыграть его отца, Тень Отца Гамлета. У него потрясающий текст, и он стал едва ли не важнейшим персонажем американского шекспировского канона. Помню, когда я был молод, мы хотели ставить «Гамлета». И вот решили все собраться и обсудить будущую постановку. Собрались, начали говорить, и я предложил попытаться воссоздать, как Гамлет разговаривал с отцом еще до того, как тот стал призраком...

Что из этого вышло?

В эту секунду мы решили, что наш метод — полное дерьмо, и не стали браться за эту постановку. (Смеется.) Но представьте, тот же метод сработал, когда мы принялись за «Венецианского купца» год назад. Мы сперва попытались понять эту пьесу, у нас ничего не вышло, и тогда пришлось убить целый месяц на репетиции — что бывает крайне редко в кино. Так мы превратились в настоящую труппу и начали понимать, что же мы играем. Знаете, я просто счастлив, что так много играл Шекспира. И сыграл бы еще.

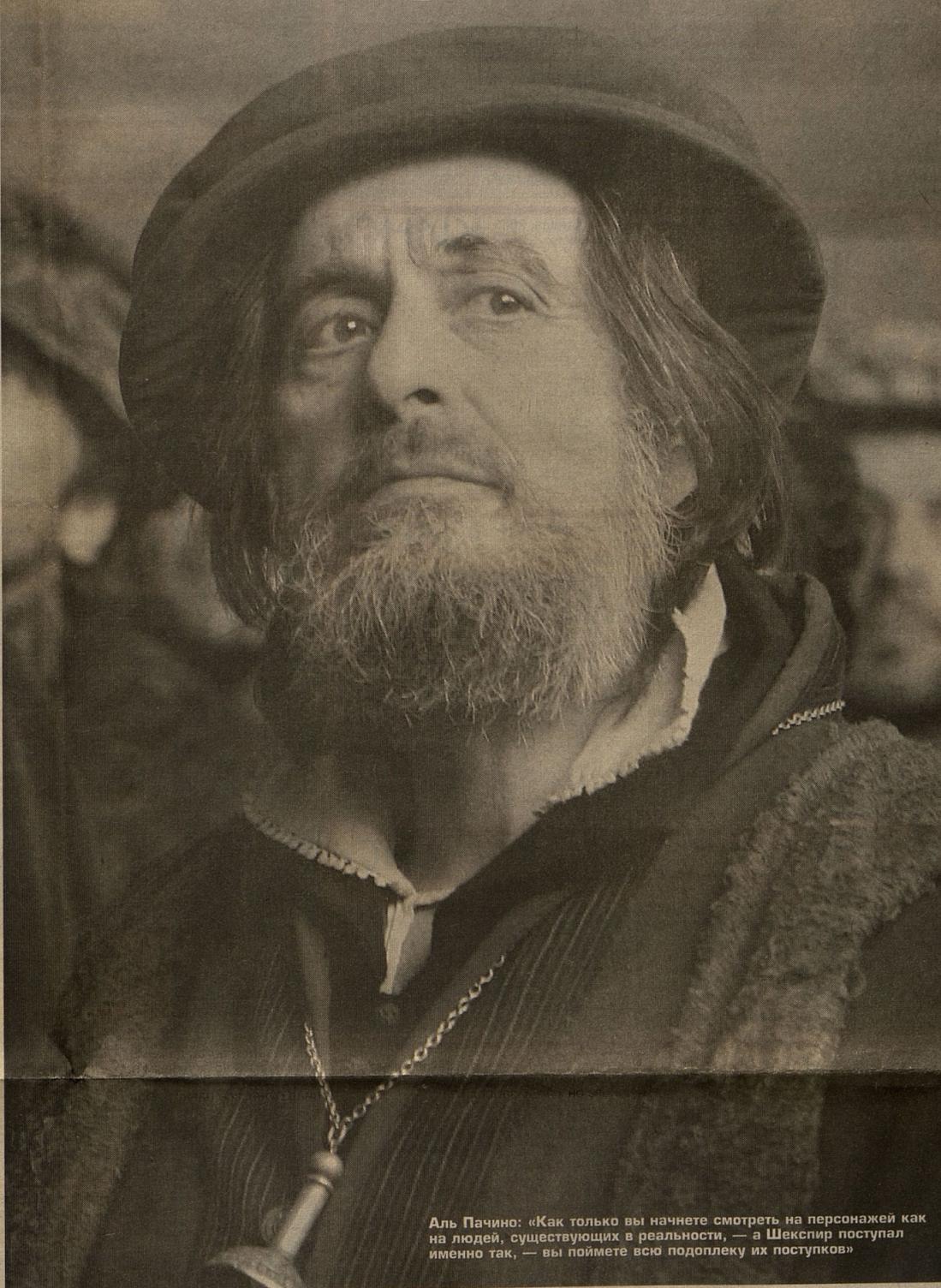
Какие последние постановки по Шекспиру в кино вам запомнились?

«Гамлет» с Итаном Хоуком, «Ромео + Джульетта» База Лурмана, в которой чувствовалась одержимость автора шекспировской энергетикой... Большой успех, причем заслуженный.

Вы не боитесь, что если Леонардо Ди Каприо не будет играть Шекспира, то Шекспира попросту забудут?

Шекспир не нуждается ни в одном из нас, он переживает всех нас — уж поверьте. Это я вам гарантирую.

Тень Отца Гамлета”

Аль Пачино: «Как только вы начнете смотреть на персонажей как на людей, существующих в реальности, — а Шекспир поступал именно так, — вы поймете всю подоплеку их поступков»

Чисто пусто

антон доли

азиаты высадились в Венеции

Как правило, конкурсная интрига любого уважающего себя фестиваля — соревнование кинематографов разных континентов, и победу нередко одерживает Азия. Поэтому неудивительно, что азиатских фильмов всегда ждут. В Венеции еще не видели картин корейца Им Квон-Таека и тайваньца Хоу Сяо-Сена, однако некоторые показанных фильмов уже достаточно для первых выводов.

Ожидания не оправдываются. Многообещающий коллективный проект «Три... крайности» разочаровал: гонконгский радикал Фрут Чан пробубнил что-то мрачное об абортах, кореец Парк Чан-Вук ударился в рефлексии о режиссерской профессии, а японец Такаси Миике своей псевдогитчической историей о разлученных сямских близнецах и вовсе едва не усыпил аудиторию. Тот же Миике, известный своей аномальной плодотвор-

маленький мальчик в ванну залез

Газета. - 2004. - 9 сент. - с. 13

«Рождение» в Венеции

антон доли

Едва ли не самый ожидаемый фильм венецианского конкурса, «Рождение» Джонатана Глейзера — того самого, чей дебют «Сексуальное животное» свидетельствовал о рождении новой звезды независимой режиссуры, — провалился с треском. Не спасло даже участие наиболее раскрученного

Гейзера. В тот же момент где-то рождается ребенок. Затемнение, титры, надпись: «Прошло десять лет». Красотка-вдова Анна (Кидман) готовится снова связать себя узами брака, и тут на пороге появляется десятилетний мальчик и говорит ключевую фразу: «Я Шон, твой муж. Не выходи замуж». Дальше — развитие событий, увл, не столь стремительное, как хотелось бы. Мальчик уговаривает вдову, жених ревнует и бесится, родные и знакомые в недоумении. Пока не выясняется, что таинственная история — чистой воды блеф. В этот момент градус разочарования в зрительном зале настолько высок, что люди не выходят и не хлопчат дверью лишь потому, что сидят себе и смотрят.

любить не хуже взрослого, и так далее, и тому подобное. Не считая подчеркнuto целомудренной сцены с участием Кидман и мальчика в ванне, на все вышесказанное нет даже намека. Более того, как только выясняется, что переселения душ не было, интерес Анны к нежданному гостю пропадает. Даже обидно. От пущей беспомощности режиссер пригласил сразу четырех актеров, игравших недавно у Ларса фон Триера (Кидман и Лорен Беккол в «Догвилле», Петер Стурмар и Кара Сеймур в «Танцующей в темноте»), а также легендарного кинодраматурга, соавтора Бунюэля, Жана-Клода Карьера. Но самая живая эмоция, которую Джонатану Глейзеру

лее великих, чем он), вы поймете всю подоплеку их поступков. Человек не ларец Пандоры, его всегда можно понять. В книгах плохих писателей вы иногда не можете объяснить поступков героев, но Шекспир не таков.

Насколько важны первые пять минут фильма — до начала пьесы, — когда нам показывают условия жизни евреев в средневековой Венеции и вводят в курс истории антисемитизма?
Очень важны. Я убежден, что, зная обстоятельства жизни Шейлока, зритель сможет лучше его понять.

Но Шекспир этого в своей пьесе не сделал...
Сделал бы непременно, если бы жил сегодня! (*Смеется.*) Во времена Шекспира было совершенно иное представление о том, что рассказывается в истории Шейлока. И я не знаю, что это за представление. Но я живу в XXI веке и пытаюсь передать собственную точку зрения.

Что вы ответите тем, кто отрицает сегодня актуальность Шекспира и необходимость ставить его на сцене и в кино?
Я бы хотел с ними по дискутировать... Это все равно что призвать людей перестать слушать Бетховена или Моцарта. Это просто бессмыслица. Особенно для меня, всю жизнь игравшего Шекспира. Он знал так много о человеческом поведении и его причинах, что никогда не устареет.

Вас считают воплощением золотого века Голливуда. Как вам кажется, какие времена сейчас переживает американское кино?

Надеюсь, не самые худшие. Попытки сломать лед, сказать что-то новое никому не делись, мы видим их ежегодно. Но насколько эти попытки удачны, я не могу сказать. Не могу оценивать и то, что происходило в 1970-х, — я жил и работал тогда, позже читал книги о той эпохе, но все еще не могу о ней судить. Мне просто повезло оказаться в центре водоворота. Стереотипы ломались, это чувствовалось, и я отдавал себе отчет в том, что в кино происходит что-то принципиально новое. Но анализировать это я пока не способен.

ра — не больше чем повествование части нашей культуры. Но моя стеснительность не имела никакого отношения к моей любви к кинематографу. Я был воспитан на кино, и идея, что когда-нибудь я смогу сняться в фильме, потрясала меня еще в детстве. Когда же я пришел в театр, то был очарован и потрясен возможностью стать членом актерской семьи. 60-е были великой эпохой, мы все встречались и общались в многочисленных кафе, работали и жили в них. Играли по шестнадцать спектаклей в неделю, зарабатывали копейки, голодали... Такие вещи не забываются.

Какую роль в вашей карьере сыграл великий режиссер Сидни Люмет?
Благодаря ему я впервые приехал на Каннский кинофестиваль. Я спросил у него: «А что это такое?» Он ответил: «Такое место, где толпы зрителей и поклонников, фотографы светской хроники сплят тебя своими вспышками...» И тогда я сказал: «Ты что, шутишь? Я никогда не сяду в самолет и не полечу так далеко!» Хотя, между прочим, я уже бывал в Европе, ездил туда с моим театром, и там мне очень нравилось. Но осознание того, что я поеду на фестиваль и меня все увидят... К счастью, премьера прошла успешно и фильм взял приз.

Вы были таким стеснительным...
Был. Только поняв, какое отношение моя работа имеет к окружающему миру, какое она имеет для него значение, я немного успокоился. Однако моя стеснительность никуда не делась, она все еще со мной. С другой стороны, мне всегда казалось, что актер анонимен и эта профессия помогает победить стеснительность. Каждая моя роль начинается с чистого листа, я ничего не знаю о ней, я ничего не знаю о себе в этой роли — несмотря на все технические ухищрения. Роль должна обрести плоть, моей собственной плотью. Однажды я видел документальный фильм о Пикассо, и он меня поразил. Он рисует там очень красивый цветок, который потом вдруг превращается в определенную часть женской фигуры. Эта трансформация мне запомнилась надолго: набросок, который вдруг перестает быть наброском и превращается в самостоятельный образ. Бог знает, чему меня это научило, но чему-то определенно научило.

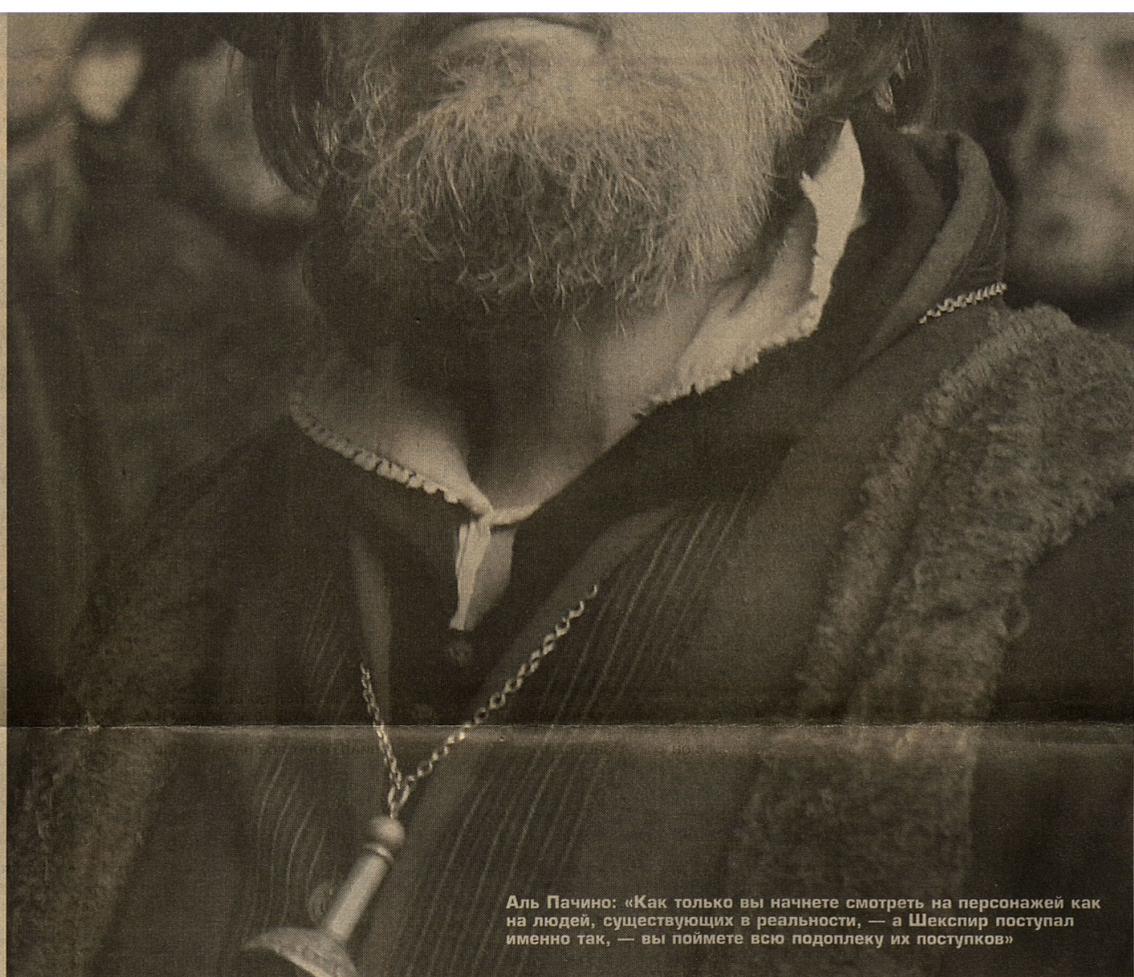
(1997), «Бессонница» (2002), «Рекрут» (2003) и других. Аль Пачино также поставил фильм «В поисках Ричарда» (1996), снимается в телефильмах и не изменяет своей первой любви — театру.

Хотели ли бы вы сыграть других шекспировских героев? И каких?
Кто-то предлагал мне сыграть Лира, но это будет слишком сложно... Кажется, Гамлета мне играть уже поздно... Я мог бы сыграть его отца, Тень Отца Гамлета. У него потрясающий текст, и он стал едва ли не важнейшим персонажем американского шекспировского канона. Помню, когда я был молод, мы хотели поставить «Гамлета». И вот решили все собраться и обсудить будущую постановку. Собрались, начали говорить, и я предложил попытаться воссоздать, как Гамлет разговаривал с отцом еще до того, как тот стал призраком...

Что из этого вышло?
В эту секунду мы решили, что наш метод — полное дерьмо, и не стали браться за эту постановку. (*Смеется.*) Но представьте, тот же метод сработал, когда мы приняли за «Венецианского купца» год назад. Мы сперва попытались понять эту пьесу, у нас ничего не вышло, и тогда пришлось убить целый месяц на репетиции — что бывает крайне редко в кино. Так мы превратились в настоящую труппу и начали понимать, что же мы играем. Знаете, я просто счастлив, что так много играл Шекспира. И сыграл бы еще.

Какие последние постановки по Шекспиру в кино вам запомнились?
«Гамлет» с Итаном Хоуком, «Ромео + Джульетта» База Лурмана, в которой чувствовалась одержимость автора шекспировской энергетикой... Большой успех, причем заслуженный.

Вы не боитесь, что если Леонардо Ди Каприо не будет играть Шекспира, то Шекспира попросту забудут?
Шекспир не нуждается ни в одном из нас, он переживет всех нас — уж поверьте. Это я вам гарантирую.

Аль Пачино: «Как только вы начнете смотреть на персонажей как на людей, существующих в реальности, — а Шекспир поступал именно так, — вы поймете всю подоплеку их поступков»

Чисто пусто

азиаты высадились в Венеции

Ким Ки-Дук появился в Венеции в качестве сюрприза, что обрадовало далеко не всех
Фото: AFP

антон долин

Как правило, конкурсная интрига любого уважающего себя фестиваля — соревнование кинематографов разных континентов, и победу нередко одерживает Азия. Поэтому неудивительно, что азиатских фильмов всегда ждут. В Венеции еще не видели картин корейца Им Квон-Таэка и тайваньца Хоу Сюэ-Сена, однако некоторых показанных фильмов уже достаточно для первых выводов.

Ожидания не оправдываются. Многообещающий коллективный проект «Три... крайности» разочаровал: гонконгский радикал Фрут Чан пробубнил что-то мрачное об абортах, кореец Парк Чан-Вук ударился в рефлексии о режиссерской профессии, а японец Такаси Миике своей псевдогоthicкой историей о разлученных сиаемских близнецах и вовсе едва не усыпил аудиторию. Тот же Миике, известный своей аномальной плодovitостью, показал в программе «Горизонты» крайне странный фильм «Изо». Откровенно трэшевая история растрепанного призрака-супергероя, который блуждает таинственными тропами между древней и современной Японией и жестоко убивает любого встречного, оставила переполненный зал полупустым к концу сеанса. Не утешил даже заявленный в титрах Такаси Китано, чье участие свелось к краткому и не запоминающемуся cameo с бесцветными репликациями.

В этих обстоятельствах настоящим подарком оказался конкурсный фильм-сюрприз, название и автора которого объявили лишь в день показа. Оказалось, речь идет о втором после Миике азиатском графомане, корейце Ким Ки-Дуке, только-только получившем режиссерский приз за «Самаритянку» в Берлине и с тех пор успевшем изготовить новую картину. Называется она «3-й год», и зрителю, способному дать более или менее вменяемую интерпретацию этого словосочетания, стоило бы присудить специальный приз жюри. Фильм молчаливо и минималистично живописует приключения героя — привлекательного молодого человека, который вламывается в закрытые дома добротпорядочных граждан и живет там, пока хозяева не вернутся из командировки или отпуска. Компанию гламурному бродяжке составляет красотка-фотомодель, нехоти обиженная грубияном-мужем и решившая уйти от законного спутника жизни к незаконному. Идиллия, однако, продолжается недолго — вскоре романтических влюбленных настигает полиция. Облегчения в качестве драматического финала (которые Ким Ки-Дук обычно предпочитает любим другим) зрителю тоже не дано: к концу фильм и вовсе уходит за грань реального, о чем особо недогодаливый сообщает последний титр.

Самый чистый и отчетливый по форме, местами завораживающе красивый фильм корейского экстремиста оказался и самым стерильным. Как известно, природа не терпит пустоты, и некоторая часть особо одухотворенных зрителей была склонна доделать работу за режиссера, вкладывая в маловнятную историю дополнительный смысл. Фильм — то ли о незначительности материальных ценностей в сравнении с духовными, то ли о комичности игры в гольф: все равно далеко шарик не улетит. Адаптированный буддизм для уставших фестивалщиков прошел на ура — ленту встретили овации, смешанные с возмущенным свистом (который при желании тоже может сойти за проявление восторга). Было лишь обидно, что погруженный с головой в бесперывную работу Ким Ки-Дук не успел посмотреть новеллу своего соотечественника Парк Чан-Вука. Из нее он мог бы узнать, что стремление к славе и перфекционизм не доводят ни одного режиссера до добра. Может, Киму уже пора получить наконец своего «Золотого льва», расслабиться и немного отдохнуть от кино. А заодно дать отдохнуть от себя и нам.

маленький мальчик в ванну залез

«Рождение» в Венеции

Газета, 2004, 9 сент., с. 13

антон долин

Едва ли не самый ожидаемый фильм венецианского конкурса, «Рождение» Джонатана Глейзера — того самого, чей дебют «Сексуальное животное» свидетельствовал о рождении новой звезды независимой режиссуры, — провалился с треском. Не спасло даже участие наиболее раскрученной звезды современного Голливуда Николь Кидман.

В самом начале фестиваля в Венеции показали «Таинственную кожу» культового американца Грегга Араки, фильм о плачевных последствиях педофилии, где насильники сравнивались с мифическими зелеными человечками из космоса. К середине показали «Палиндромы» Тодда Солондза — человека, по-своему оправдавшего педофила в давнем фильме «Снасть», а в новую картину вложившего забавную сентенцию: «Ты не педофил. Педофилы любят детей!» Кульминация сквозной темы по идее должно было стать «Рождение» с Николь Кидман. Но не стало. В прологе к фильму мы видим, как неожиданно посреди улицы умирает молодой чело-

век, и в тот же момент где-то рождается ребенок. Затемнение, титры, надпись: «Прошло десять лет». Красотка-вдова Анна (Кидман) готовится снова связать себя узами брака, и тут на пороге появляется десятилетний мальчик и говорит ключевую фразу: «Я Шон, твой муж. Не выходи замуж». Дальше — развитие событий, увы, не столь стремительное, как хотелось бы. Мальчик уговаривает вдову, жених ревнует и бесится, родные и знакомые в недоумении. Пока не выясняется, что таинственная история — чистой воды блеф. В этот момент градус разочарования в зрительном зале настолько высок, что люди не выходят и не хлопчат дверью лишь потому, что хотят доставить себе удовольствие посвистеть и потопать ногами в конце. Собственно, «Рождение» могло бы оказаться недурным триллером о возвращении мертвецов в духе «Шестого чувства», — тогда можно было бы объяснить даже невыносимо серьезную интонацию всех действующих лиц. Существовала и другая возможность: создать по-настоящему рискованный фильм о любви взрослой женщины и десятилетнего мальчика. Вот тогда моралисты возопили бы о педофилии и обвинили Кидман во всех смертных грехах, а кинотеатры лопались бы от любопытных. Есть в этом что-то здоровое — у женщины нет своих детей, она нуждается в любви, а любовь появляется с неожиданной стороны, и сердце не выдерживает... Ведь мальчик может по-

любить не хуже взрослого, и так далее, и тому подобно. Не считая подчеркнуто целомудренной сцены с участием Кидман и мальчика в ванне, на все вышесказанное нет даже намека. Более того, как только выясняется, что переселения душ не было, интерес Анны к нежданному гостю пропадает. Даже обидно. От пушей беспомощности режиссер пригласил сразу четырех актеров, игравших недавно у Ларса фон Триера (Кидман и Лорен Бекколл в «Догвилле», Петер Стурмар и Кара Сеймур в «Танцующей в темноте»), а также легендарного кинодраматурга, соавтора Бунюэля, Жана-Клода Карьера. Но самая живая эмоция, которую Джонатану Глейзеру удалось внушить зрителю, — сочувствие Николь Кидман. Чего стоит крупный план ее лица после появления мальчика: ни один мускул не дрогнет, но игра эмоций убедительна и трогательна донельзя. Что и говорить, актриса она в самом деле незаурядная, некая-то стэпфордская жена. И, однако, несмотря на «Оскар», — ни одного приза в Европе, где ее так любят! А она все ездит и ездит на фестивали: с «Широко закрытыми глазами», «Мулен Руж» и «Догвиллем» была в Каннах, с «Часами» в Берлине, с «Другими», «Имениницей» и «Затянутой репутацией» в Венеции. А результат? Один жалкий приз на троих в Берлине? Несправедливо, нечестно. Вот и опять не повезло — надежд на награду крайне мало.

Николь Кидман (в центре) с короткой стрижкой будто родилась заново, но фильму «Рождение» это не помогло